

12+

Евгений Контур

ЭФФЕКТ ПЛАТО

Евгений Контур

Эффект плато

«Издательские решения»

Контур Е.

Эффект плато / Е. Контур — «Издательские решения»,

Ледники тают. Небо фиолетовое. Города под землёй. Единственный шанс человечества — «Плато», квантовая аномалия, которая держит мир на плаву. Но она умирает. Через три года — коллапс. Квантовая связь исчезнет, блоки распадутся, миллиарды погибнут. Биоинженер Артём Нестеров должен остановить катастрофу. У него есть дочь, ради которой он готов на всё. И есть выбор, который определит судьбу мира. Научная фантастика для тех, кто верит, что будущее можно изменить. Даже когда кажется, что всё потеряно.

© Контур Е.

© Издательские решения

Содержание

АКТ I. НОВЫЙ КОВЧЕГ	6
Часть 1. Привычная яма	6
Глава 1. Пролог	7
Глава 2. Переход	10
Глава 3. Цена плана	13
Глава 4. Инспекция	16
Глава 5. Новости с поверхности	19
Глава 6. Наследие	21
Глава 7. Предложение	24
Глава 8. Аудитор	26
Глава 9. Зелёная комната	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эффект плато

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-1755-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АКТ I. НОВЫЙ КОВЧЕГ

Часть 1. Привычная яма

Глава 1. Пролог

Пружина звякнула, крышка фильтрационной камеры отошла с влажным вздохом. Артём выудил старый картридж — на ладонь налипла вязкая, холодная слизь, пахнувшая затхлой водой и резиной. Он швырнул его в контейнер: пластик глухо ударился о пластик. Новый картридж, ещё маслянистый, скользнул в паз с хлюпающим щелчком. Пальцы на секунду замерли — он прислушался к тому, как компрессор запел ровно, без надрыва.

— Готово, — сказал он, не оборачиваясь. — Сейчас проверим герметичность.

Аня сидела на табурете в углу тесной каюты, поджав босые ноги. Ей было двенадцать, но выглядела она на десять — тонкая, с бледной кожей, на которой проступала синевя вен. Светодиодная лента под потолком давала ровный белый свет, без теней, без тепла.

Она не ответила. Артём обернулся и встретил её взгляд — серьёзный, почти взрослый.

— Пап, я хочу посмотреть.

— Что посмотреть?

— Небо.

Он замер на секунду, потом щёлкнул тумблером компрессора. Зашипел воздух, манометр пополз вверх. В крошечном иллюминаторе, врезанном в бетонную стену, отражалось тусклое свечение.

— Зачем? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты его видела. Тысячу раз.

— Я видела *облака*, — тихо поправила Аня. — Серые, как вата. А настоящее небо — голубое. Я в книгах читала. И на старых записях. Там солнце не закрыто куполом.

Артём подошёл к столу, взял планшет с показателями влажности и сделал вид, что сверяет цифры. На самом деле он просто не знал, что ответить. Как объяснить двенадцатилетней девочке, что голубое небо осталось в прошлом вместе с нефтью, пингвинами и городами, которые теперь покоятся на дне океана?

— Дай руку, — сказал он наконец.

Аня протянула ладонь. Он надел ей на запястье контрольный браслет — тонкий пластик с мигающим зелёным огоньком. Когда огонёк станет красным, придётся менять фильтры снова.

— Завтра суббота. У нас два часа вне купола, если погодный центр не запретит. Мы выйдем на поверхность, и ты увидишь столько неба, сколько захочешь.

— Серого, — сказала она без улыбки.

— Ань...

— Ладно. Я знаю, что везде серое. Просто хочется, чтобы хоть один раз было голубым.

Он присел перед ней на корточки, взял её руки в свои. Ладони были холодные — в каюте держалось восемнадцать градусов, сэкономили энергию.

— Я работаю над водорослями, — сказал он медленно, подбирая слова. — Они будут есть метан. Если получится, воздух станет чище. И тогда небо станет голубым.

— Правда?

— Правда. Только нужно время.

— А ты успеешь?

Вопрос резанул по нервам острее, чем любое заседание научного совета. Артём сглотнул.

— Успею. Обещаю.

Он встал и подошёл к иллюминатору. За двойным стеклом толщиной в ладонь открывался вид на внутренний двор — если, конечно, можно назвать двором бетонную шахту глубиной двести метров. Сюда, на уровень «Терраса-7», почти не проникал свет с поверхности. Только тусклые прожекторы на противоположной стене подсвечивали ряды кондиционеров и вентиляционных труб.

Но если поднять голову — туда, где потолок из ребристого железобетона переходил в шахту лифта, — можно было разглядеть крошечный светлый квадрат. Выход на поверхность.

И сейчас, пока Артём смотрел, этот квадрат начал мерцать.

Сначала редкие белые точки. Потом густой снегопад, только не из воды, а из кристаллизованных газов, которые выпадали из пересыщенного воздуха — смесь метана, этана и других углеводородов, застывающих при резком падении температуры. Наверху было минус двадцать, и «метановый снег» ложился на старые купола, на радиотелескопы, на забытые строительные краны, которые торчали из скал, как скелеты доисторических ящеров.

— Там опять снег, — сказал Артём, не оборачиваясь. — Ты же его ненавидишь. Он скрипит под ногами, как пластмасс.

— Я ненавижу, что он пахнет, — ответила Аня. — Когда поднимаешься на лифте, запах проникает через щель. Как газ с кухни, только сладкий.

— Сладкий?

— Ну да. Как будто кто-то пролил сироп.

Артём задумался. Он никогда не замечал сладковатого запаха — только резкий, химический, напоминающий растворитель. Но Аня всегда была чувствительной к запахам, даже через фильтры.

— Ладно, — он щёлкнул выключателем компрессора. — Фильтры стоят. Скафандр твой — «Комфорт-М», заводская комплектация. Дыхательный клапан проверил, в нём слюны нет. В субботу в семь утра идём.

Аня прыгнула с табурета, обняла его за пояс. Голова едва доставала до груди.

— Спасибо, пап.

Он провёл ладонью по её волосам — жидким, тонким, с едва заметной проседью у висков. Ещё год назад они были тёмными, густыми. «Синдром Метанола» забирал меланин вместе с гемоглобином. Врачи говорили, что до критической стадии ещё два-три года, если не переезжать на поверхность.

Но переезжать было некуда. Весь мир ушёл под купола или под землю.

За стеной каюты, в узком коридоре, загудел лифт. Кто-то спускался с верхних уровней — возможно, курьер с новым заданием, возможно, соседи с утренней смены. Артём прислушался: шаги были тяжёлые, ритмичные. Взрослый мужчина. Не к ним.

— Иди мойся, — сказал он Ане. — Я принесу ужин через час.

Она скрылась за дверцей душевой — крошечной капсулой, где вода подавалась по таймеру ровно три минуты. Артём остался один у иллюминатора.

Метановый снег всё падал. Где-то на поверхности, в старых кварталах Екатеринбурга-2, этот снег сейчас забивал вентиляционные решётки, и дежурные техники в скафандрах выходили чистить их лопатами. Работа, не требующая квалификации. Её давали мигрантам — китайцам, индусам, африканцам, которые прибывали сюда тысячами каждый день, чтобы строить новые шахты и жилые блоки.

Они думали, что Сибирь — это спасение. Может, так и было. Артём сам родился в Архангельске, который теперь назывался «Атлантидой Севера» — его затопило к тридцать девятому году. Его родители успели выехать, получив квоту как квалифицированные рабочие.

Отец тогда говорил: «Сын, мы едем в будущее». А через пять лет погиб при обвале тоннеля. Мать не пережила «метановую лихорадку» — умерла, задыхаясь, прямо в госпитальном отсеке, потому что не хватило кислорода на всех.

Артём сжал кулаки. Воспоминания накатывали всегда в тишине, когда Аня уходила спать. И каждый раз он давал себе слово, что сделает всё, чтобы её смерть не повторила материнскую.

Он подошёл к столу, развернул планшет. На экране загрузилась рабочая страница — отчёт по биореактору номер семь. Штамм водорослей *Chlorella vulgris-2050* показывал рекорд-

ный уровень поглощения метана. Через месяц можно будет подать заявку на испытания в открытой атмосфере.

Через месяц. А у Ани заканчивается третий курс терапии. Если к лету не будет улучшений, врачи предложат «консервативный протокол» — просто замедление, без надежды на излечение.

Артём посмотрел на дверь душевой, откуда доносился шум воды. Потом поднял глаза к иллюминатору.

Метановый снег всё падал. Где-то там, за бетонной толщей и слоем вечной мерзлоты, существовало настоящее небо — то самое, которое Аня хотела увидеть. Даже если оно было серым, даже если над ним висели аэрозольные слои, которые корпорации распыляли, чтобы охладить планету.

— Я покажу тебе его, — прошептал он. — Голубое. Честное слово.

В планшете пискнуло уведомление. Новое сообщение от лаборатории: *«Артём Сергеевич, завтра в десять утра — закрытое совещание. Присутствие обязательно. Тема: проект „Зародыш-2“. С уважением, отдел координации.»*

Артём нахмурился. «Зародыш» — это его разработка. «Зародыш-2» он не заказывал. Значит, кто-то наверху решил вмешаться.

Он вздохнул, закрыл планшет и пошёл за ужином. Впереди была ночь — шесть часов искусственной темноты, которую город включал, чтобы люди не забыли, что такое сон.

А за стеклом продолжал падать метановый снег, медленно погребая старый мир, который уже никто не помнил голубым.

Глава 2. Переход

Будильник щёлкнул в 5:47 — за тринадцать минут до общего подъёма по расписанию «Террасы-7». Артём научился просыпаться раньше сигнала ещё в институте, когда каждая лишняя минута тишины стоила дороже сна. Он лежал на жёсткой койке, слушая, как за стеной кашляет сосед — старый инженер из Харькова, который никак не мог привыкнуть к сухому воздуху регенераторов.

Аня спала на верхнем ярусе двухъярусной кровати, свернувшись калачиком. Её дыхание было ровным, почти бесшумным — сказывалась экономия кислорода в ночном режиме. Артём бесшумно натянул комбинезон, застегнул магнитную застёжку и вышел в коридор.

Запах утра здесь всегда был одинаковым: перегретый пластик, озон и чужая еда. Кто-то на этаже варил рисовую кашу с соевым соусом — запах просачивался сквозь вентиляцию, смешиваясь с техническими ароматами.

Лифт не работал в часы пик для жилых этажей, поэтому Артём пошёл пешком. Три пролёта вниз по винтовой лестнице — и он оказался на «Уровне-10», где начиналась зона мигрантских общежитий.

Здесь воздух становился гуще, теплее и тяжелее. Кондиционеры работали на износ, но не справлялись с тысячами тел, сжатых в бетонных сотах. Каждая ячейка — ровно метр на два — была отделена от соседней тонкой перегородкой из композитного пластика. Внутри помещался матрас, сумка с вещами и маленький экран, через который транслировали новости и инструкции по технике безопасности.

Артём шёл мимо рядов этих ячеек, сложенных в колонны по шесть штук в высоту. В некоторых уже горел тусклый свет — кто-то просыпался раньше времени, чтобы успеть занять очередь к душевым. В других ещё лежали люди, укрытые тонкими одеялами, лицами к стене.

Через прозрачную стенку одной из ячеек Артём увидел мужчину — узкоглазого, с глубокими морщинами на лбу. Он сидел на матрасе, поджав ноги по-восточному, и медленно жевал пресную лепёшку. Рядом с ним на полу лежал сложенный скафандр — дешёвый, армейской поставки, с потёртыми сочленениями.

Рядом, в соседней ячейке, спала женщина с младенцем на груди. Ребёнок дышал через крошечную маску, прикреплённую к баллончику с обогащённым воздухом. Артём задержал взгляд на секунду — он знал, что такие маски дают детям мигрантов только на первые полгода, а потом переводят на стандартные фильтры. Выживут — хорошо, не выживут — значит, освободится квота.

— Артём Сергеевич? — голос раздался слева, из прохода между ячейками.

Он обернулся. Чэнь Вэй, его коллега-китаец, стоял у раздаточного автомата с пластиковым стаканчиком. Чэнь был высоким для своей национальности, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом. На работе он носил дорогой костюм, а здесь, в зоне мигрантов, выглядел чужим — будто инспектор, пришедший проверять скотину.

— Утро доброе, — кивнул Артём. — Ты рано.

— Я всегда рано, — Чэнь сделал глоток из стаканчика и поморщился. — Говорят, вчера на «Уровне-12» умер человек. Перегрев. Кондиционер сломался, ремонтная бригада пришла только через четыре часа.

Артём не удивился. Такое случалось каждую неделю, особенно летом, когда наружная температура поднималась до плюс сорока и даже подземные уровни нагревались.

— Причина указана как «естественная смерть»?

— Конечно. Корпорация не любит лишних отчётов.

Чэнь допил напиток, бросил стаканчик в утилизатор и пошёл рядом с Артёмом к служебному лифту. Они миновали последний ряд ячеек — здесь спали индусы, чьи семьи приехали в

Сибирь по рабочим контрактам ещё в сороковых. Артём знал некоторых в лицо. Один парень, Раджеш, работал в его лаборатории уборщиком — он каждое утро мыл полы в стеклянных коридорах, пока учёные пили свой синтетический кофе.

Лифт принял их на «Уровне-10» и повёз вверх. Двери сомкнулись, отрезая запах пота и дешёвой еды. Воздух в кабине был стерильным, с лёгким привкусом озона — такой же, как в лаборатории.

— Слышал про совещание? — спросил Чэнь, глядя на цифры этажей.

— Да. «Зародыш-2». Я не заказывал этот проект.

— Значит, заказал кто-то другой. Может, Воронцов?

Артём промолчал. Генерал Воронцов появлялся в лаборатории раз в месяц, но его присутствие всегда ощущалось — как запах гари, который не выветривается из комнаты.

Лифт остановился на «Уровне-3». Двери разъехались, и Артём шагнул в коридор, который мало чем напоминал подземный город.

Пол здесь был из матового стекла, под которым мягко светились голубые светодиоды. Стены — панели из органического стекла, за которыми виднелись ряды биореакторов, перебивающихся зелёным и жёлтым. Воздух пах не озоном, а чем-то свежим, почти травяным — система ароматизации имитировала запах луга.

— Как будто в другой мир попадаешь, — невольно сказал Артём.

— Так и есть, — Чэнь усмехнулся. — Там люди живут как скот, а здесь — как боги. Только боги обязаны работать на скот.

Они прошли через шлюзовую камеру, где сканеры проверили их биометрию. Артём приложил ладонь к сенсору, подождал зелёного сигнала. Дверь отворилась, открывая главный зал лаборатории.

Стеклянные колбы в три человеческих роста, заполненные изумрудной суспензией, стояли в два ряда. Подсветка создавала иллюзию, что внутри колб движется жидкий свет — тысячи микроскопических водорослей кружились в питательной среде, ритмично пульсируя. Каждый биореактор имел свой номер и сенсорную панель, на которой горели показатели pH, температуры и уровня метана.

Артём подошёл к своему рабочему месту — столу, заваленному планшетами и распечатками. Здесь всё было привычным: запах реагентов, тихое гудение компрессоров, далёкий звук шагов ассистентов в соседних отсеках.

— Доброе утро, — голос раздался из динамика. В углу лаборатории мигала иконка головного помощника. — Сегодня запланирован запуск эксперимента по штамму 7-Б. Также в десять часов — совещание в конференц-зале «Альфа». Присутствие обязательно.

— Спасибо, Джей, — отозвался Артём, хотя знал, что ИИ не нуждается в благодарности.

Он подошёл к биореактору номер семь, который стоял в дальнем конце зала, слегка в стороне от других. Это была его гордость — экспериментальный штамм, выведенный вручную, методом проб и ошибок. В отличие от остальных, этот реактор имел дополнительный слой защиты — бронированное стекло, способное выдержать разгерметизацию.

На панели горели цифры: усвоение метана — 98.7%, скорость роста — в пределах нормы. Артём облегчённо выдохнул. Значит, ночные изменения параметров не навредили колонии.

— Артём, — Чэнь подошёл к нему с планшетом в руках. — Я глянул прогноз на завтра. Погодный центр обещает «метановый шторм». Выход на поверхность отменяют для всех гражданских.

Артём резко обернулся.

— Что значит отменяют? У меня разрешение на субботу. Я согласовывал с отделом логистики.

— Согласовывал. Но шторм сильный — говорят, будет видимость меньше пяти метров, кристаллы метана могут повредить фильтры. Техника безопасности.

Артём сжал кулак так, что ногти впились в ладонь.

— У меня дочь ждёт. Я ей обещал.

Чэнь пожал плечами, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— Поговори с Воронцовым на совещании. Может, он даст тебе служебный допуск. Если ты так нужен проекту «Зародыш-2», он сделает для тебя исключение.

Артём смотрел на биореактор, в котором бесконечно кружились зелёные точки. Ему нужно было выиграть время. Всего несколько часов на поверхности — чтобы Аня увидела хоть что-то кроме бетонных стен.

— Хорошо, — сказал он. — Я поговорю.

Он подошёл к терминалу и открыл рабочий журнал. В заметках к штамму 7-Б он добавил новую строку: «24.05.56 — проверка устойчивости к перепадам давления. Требуется калибровка сенсоров».

На самом деле он вносил эти правки уже неделю, создавая себе оправдание для дополнительного времени в лаборатории. Но сегодня это казалось неважным. Сегодня ему нужно было думать о другом — о том, как пробить стену бюрократии и показать дочери небо.

Он перевёл взгляд на стеклянные стены лаборатории, за которыми кипела искусственная жизнь. Контраст с мигрантскими ячейками был настолько резким, что иногда Артёму казалось, будто он существует в двух мирах одновременно.

«Там они спят в ящиках, — подумал он. — Здесь водоросли живут лучше, чем люди. Может, это и есть наша цивилизация?»

Он усмехнулся своим мыслям и вернулся к планшету. Через два часа начнётся совещание. А потом — ещё один день работы в стеклянном раю, который построен на костях мигрантов.

Артём посмотрел на часы: 7:03. До встречи с Воронцовым оставалось три часа. Он решил, что за это время успеет проверить все показатели реактора и написать отчёт по штамму 7-Б. А заодно — придумать, как сделать так, чтобы суббота всё-таки состоялась.

Глава 3. Цена плана

Артём работал уже два часа, когда планшет на столе пискнул уведомлением. Он не сразу оторвался от микроскопа — водоросли штамма 7-Б демонстрировали странное поведение, которого он раньше не наблюдал. Клетки делились быстрее обычного, но с неправильной ориентацией, образуя не круглые колонии, а цепочки. Это могло быть как признаком эволюционного скачка, так и первым симптомом мутации, которая погубит всю культуру.

— Чёрт, — пробормотал он, делая пометку в журнале.

Планшет пискнул снова. Артём взял его в руки, разблокировал экран и увидел сообщение от Медицинского регистрационного центра «Терраса-7».

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СТАТУСА ПАЦИЕНТА

Пациент: Нестерова Анна Артёмовна, 12 лет

Диагноз: Синдром Метанола, первая стадия (хроническая форма)

Дата последнего обследования: 24.05.56

Результаты: уровень метаболитов метана в крови — 14.3 мг/л (предыдущий показатель — 12.1 мг/л). Динамика — положительная (рост на 2.1 пункта). Рекомендация: повторное обследование через 14 дней. При сохранении тенденции — перевод на вторую стадию и назначение усиленной терапии.

Внимание: страховой полис пациента (тип «Корпоративный-Стандарт») предусматривает полное покрытие расходов только при условии выполнения плановых показателей закреплённого сотрудника (см. Приложение №7 к трудовому договору). При снижении эффективности сотрудника более чем на 10% от плановых значений страховое покрытие может быть пересмотрено.

Артём перечитал сообщение три раза. Сначала цифры не укладывались в голове: 14.3 мг/л. Ещё два месяца назад было 11.8. Он думал, что стабилизировал состояние дочери — диета, фильтры, ежедневные ингаляции. Он верил, что водоросли, над которыми он работает, смогут очистить воздух быстрее, чем болезнь прогрессирует.

Он ошибся.

Артём отложил планшет, снял очки-линзы и потёр переносицу. От резкого движения микроскоп качнулся, и образец на стекле размазался — ещё одна ошибка, ещё одна потеря. Он выругался сквозь зубы, но не громко — в лаборатории была тишина, и ассистенты в соседнем отсеке не должны были слышать его слабость.

Он взял планшет снова. Нажал на номер врача — доктора Елены Павловны, которая вела Аню уже три года.

Голос в динамике был уставшим, будто у врача тоже выдалась тяжёлая ночь.

— Артём Сергеевич, здравствуйте. Я знала, что вы позвоните.

— Елена Павловна, что за чёрт? Вы говорили, что две недели назад всё стабильно. А теперь рост на два процента.

— Я понимаю ваше беспокойство. Но, Артём, стабильность в нашем деле — понятие относительное. Организм ребёнка адаптируется к фильтрам, находит обходные пути. Метановые соединения проникают через кожу, через слизистые. Даже при идеальной герметизации скафандра девочка дышит воздухом в каюте.

— Я заказал новые фильтры месяц назад. «Комфорт-Плюс», с угольной прослойкой.

— Мы проверили качество воздуха в вашей каюте. Показатели в пределах допустимых для детского организма. Но вы должны понимать — допустимые нормы были написаны десять лет назад, когда никто не знал о долгосрочных эффектах. Дети, которые родились после 2040 года, — это экспериментальная группа. Мы учимся на них.

Артём сжал планшет так, что пластик хрустнул.

— И что вы предлагаете? Переезд на поверхность?

— Переезд не поможет. Там концентрация метана выше в пять раз. Единственное, что может замедлить прогрессирование, — усиленная терапия. Но для неё нужны препараты, которые не входят в базовый страховой пакет. Вы понимаете, о чём я?

— Понимаю, — глухо сказал Артём. — Мне нужно платить.

— Если вы сохраните текущие показатели эффективности, корпорация может согласиться на частичную компенсацию. Я уже отправила заявку в социальный отдел. Но, Артём, если ваш план будет невыполнен хоть на один процент — они откажут. Это бюрократия, вы знаете.

— Спасибо, — сказал он и нажал отбой.

Он поставил планшет на стол, закрыл глаза и попытался дышать ровно. Через два часа совещание с Воронцовым. «Зародыш-2» — что бы это ни значило. Если это новый проект, он может потребовать дополнительного времени, отвлечь от основной работы над штаммом 7-Б. А если отвлечься, то план будет сорван.

Артём открыл рабочую страницу и просмотрел текущие показатели. План на этот месяц: десять отчётов по культурам, три экспериментальных запуска, два теста в открытой среде. Пока он выполнял всё — даже с перевыполнением. Но если Воронцов прикажет переключиться на «Зародыш-2», половина работы пойдёт насмарку.

Он открыл файл с трудовым договором, нашёл Приложение №7. Коротко, чётко, без намёка на человеческое лицо:

«Корпорация обязуется предоставить полный пакет медицинских услуг для членов семьи сотрудника, включённых в страховой полис, при условии выполнения сотрудником плановых показателей в полном объёме. Отклонение от плана более чем на 5% в течение календарного месяца влечёт за собой пересмотр условий страхования. Отклонение более чем на 10% — аннулирование полиса.»

Аннулирование полиса. Прекращение терапии. Переход на минимальное обслуживание — базовые фильтры и кислород, без лекарств, без врачебного контроля. Для Ани это означало одно: год, максимум два, а потом — медленное угасание, как у матери.

Артём провёл рукой по лицу. Он хотел закричать — в этой стеклянной тишине, среди зелёных колонн с водорослями, которые никогда не болели и не умирали. Но он сдержался. Вместо крика он открыл черновик письма и начал печатать:

«Уважаемый отдел кадров, я подтверждаю выполнение плана за текущий месяц в полном объёме. Запрашиваю согласование усиленной терапии для дочери согласно заявке доктора Елены Павловны. Прилагаю текущие отчёты по штаммам и график экспериментов...»

Он писал механически, слова сами ложились на экран. Но одна фраза заставила его остановиться. В конце письма, после всех формальных просьб, он дописал:

«Прошу также рассмотреть возможность внеочередного выхода на поверхность для ребёнка в ближайшую субботу. Медицинские показания: необходимость психологической разгрузки и воздействия естественного ультрафиолета.»

Он знал, что ультрафиолет не лечит синдром Метанола. Но он должен был попытаться. Если он не выполнит хотя бы это обещание — то на что он вообще способен?

Артём отправил письмо и подошёл к биореактору номер семь. Внутри изумрудная суспензия кружилась в своём вечном танце. Он нажал кнопку дополнительного анализа — и на экране высветились новые данные.

Штамм 7-Б поглощал метан на 99.1% — улучшение на 0.4% за ночь. Водоросли мутировали, и мутация была полезной.

— Ты — моя единственная надежда, — прошептал он, глядя на зелёное свечение. — Если я выведу тебя в промышленные масштабы, воздух очистится. И тогда лечение станет не нужно. Она просто выздоровеет.

В динамике раздался голос ИИ-ассистента:

— Артём Сергеевич, до совещания в конференц-зале «Альфа» осталось 45 минут. Рекомендуется подготовить презентацию по штамму 7-Б.

— Я знаю, Джей. Готовлю.

Он сел за стол, достал чистый планшет и начал набрасывать слайды. Он сделает это. Он выиграет время. Он убедит Воронцова, что «Зародыш-2» может подождать, а его основной проект должен быть продолжен.

А если нет — он найдёт другой путь. Через Чэнь Вэя, через Тихоокеанский Круг, через всё, что угодно. Он не даст Ане умереть. Даже если для этого придётся продать душу.

Он посмотрел на часы: 9:15. Через сорок пять минут он войдёт в комнату, где решаются судьбы, и будет играть по правилам корпорации. Но за её пределами, в каюте на «Террасе-7», его дочь ждёт субботы. И он сделает всё, чтобы она дождалась.

Глава 4. Инспекция

За пятнадцать минут до совещания Артём всё ещё правил слайды, когда по лаборатории прошёл холод. Так бывает, когда в помещении с постоянной температурой вдруг открывают дверь из коридора, где работает аварийная вентиляция. Но холода не было — просто все головы одновременно повернулись ко входу.

Воронцов вошёл без предупреждения.

Генерал не пользовался служебным лифтом, как обычные сотрудники. Он спускался по личной шахте, доступ к которой имели только он и его охрана. Дверь в лабораторию отворилась с мягким шипением, и в проёме возникла массивная фигура в чёрном мундире с серебряными погонами.

Артём видел его раньше — на экране во время селекторных совещаний, мельком в коридорах. Но вживую Воронцов производил иное впечатление. Он был не просто высоким — он был громоздким, как старый танк, чья броня только потускнела от времени. Левая рука, бионическая, из чёрного углеродного волокна, слегка поблёскивала под светом лабораторных ламп. На лице — шрамы, расходящиеся веером от правого глаза, словно кто-то попытался разорвать ему кожу осколками. Глаз уцелел, но белок был неестественно белым — явно имплант.

За спиной Воронцова шли двое охранников в лёгких бронежилетах. Они не касались оружия, но держались так, будто готовы выхватить его в любой момент.

— Не вставайте, — голос Воронцова был низким, хриплым, с лёгкой вибрацией, как у человека, который слишком много лет дышал фильтрованным воздухом. — Инспекция внеплановая.

Он прошёл между столами, и все сотрудники опустили глаза. Даже ассистенты, которые обычно работали в наушниках, сняли их и замерли, ожидая вопросов. Артём заметил, как Чэнь Вэй, стоящий у дальнего реактора, побледнел и почти незаметно отступил на шаг.

Воронцов остановился у биореактора номер три, взглянул на показатели, не прикасаясь к сенсорам.

— Это стандартный штамм?

— Да, товарищ генерал, — быстро ответила старший лаборант. — «Водоросль-Стандарт-2049». Поглощение метана — семьдесят процентов.

— Плохо. Замените на новый. У вас есть экспериментальные.

Старший лаборант замялась, переглянувшись с коллегой. Артём понял, что сейчас его имя произнесут.

— Товарищ генерал, у нас есть экспериментальный штамм. Его курирует Артём Сергеевич Нестеров, — она кивнула в сторону Артёма.

Воронцов медленно повернулся.

Артём встретил его взгляд и почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Генерал смотрел на него так, будто видел впервые — и при этом уже знал о нём всё, что могло быть важно. Глаз-имплант слегка мерцал, сканируя, запоминая, классифицируя.

— Нестеров, — произнёс Воронцов, и в его голосе не было вопроса. Констатация факта. — Вы работаете над новым штаммом.

— Да, товарищ генерал, — Артём встал, но не сделал шага вперёд. — Штамм 7-Б. Поглощение метана — девяносто девять процентов. Сейчас я готовлю отчёт для совещания.

— Вижу. — Воронцов приблизился к его рабочему столу. Остановился в метре, глядя на открытый планшет со слайдами. — «Зародыш». Хорошее название. Кто придумал?

— Я.

— Хорошо. — Генерал перевёл взгляд на биореактор номер семь. За толстым стеклом изумрудная суспензия кружилась, переливаясь в искусственном свете. — Значит, вы можете управлять метаболизмом этих организмов.

— В определённых пределах, — осторожно сказал Артём. — Мы модифицируем геном, заставляем клетки производить нужные ферменты. Но всё зависит от исходной структуры.

Воронцов кивнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Можно ли заставить вашу водоросль выделять не кислород, а ингибитор дыхания?

В лаборатории стало тихо. Совсем тихо — даже гул компрессоров казался приглушённым. Артём почувствовал, как на него смотрят все — и охранники, и лаборанты, и Чэнь Вэй, замерший у реактора. Но он смотрел только в глаза Воронцова.

— Ингибитор дыхания? — переспросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это... это вещество, блокирующее клеточное дыхание. Цианиды, например.

— Я знаю, что это такое, — Воронцов говорил ровно, будто обсуждал погоду. — Мне нужен аэрозольный вариант. Чтобы можно было распылять в атмосфере. Водоросли размножаются быстро, заполняют объём, и вместо кислорода выделяют токсин. Противник задыхается, не успев надеть скафандр.

Артём сглотнул. Во рту пересохло так, что язык прилип к нёбу.

— Товарищ генерал, я... это сложно. Ингибиторы дыхания — это яды. Они убивают всё живое, включая сами водоросли. Без системы непрерывного синтеза...

— Я не спрашиваю, сложно или нет, — перебил Воронцов. Его голос стал чуть жёстче. — Я спрашиваю, возможно ли это технически. Ваши водоросли уже умеют поглощать метан и выделять кислород. Если перепрограммировать ферментный комплекс, кислород заменится на цианогруппу. Это вопрос последовательности генов.

Артём понял, что Воронцов знает биологию лучше, чем обычный военный. Генерал либо консультировался со специалистами, либо изучал вопрос сам — и тогда он был опасен вдвойне.

— Технически, — медленно сказал Артём, — можно попытаться внедрить ген синтазы цианида из бактерий. Но стабильность такой системы будет крайне низкой. Водоросли могут мутировать, потерять целевой признак или, наоборот, начать выделять токсин в неконтролируемом режиме. Это риск для наших собственных сотрудников.

— Риск можно минимизировать. — Воронцов шагнул ближе. — Я дам вам доступ к закрытым архивам. Штаммы бактерий, выведенные ещё в двадцатых годах для биологического оружия. Их геномы — ваша отправная точка.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодный пот. Биологическое оружие. Он работал над спасением планеты, над очисткой воздуха, над жизнью своей дочери. А его просили создать смерть.

— Товарищ генерал, — он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Я не могу дать окончательный ответ сейчас. Нужны расчёты, моделирование. Это займёт... недели. Возможно, месяцы.

— Две недели, — сказал Воронцов.

— Товарищ генерал, это слишком...

— Две недели, — повторил Воронцов с той же интонацией. — Вы получите доступ ко всем ресурсам «Уровня-0». Лаборатория, персонал, реактивы — всё, что попросите. Но через четырнадцать дней я хочу видеть прототип. Не полный штамм, а хотя бы базовую конструкцию.

Артём кивнул. Он не мог отказаться. Отказ означал потерю места, страховки, лечения для Ани. Он улыбнулся — механически, без тепла.

— Я постараюсь, товарищ генерал.

— Не старайтесь. Сделайте.

Воронцов развернулся и пошёл к выходу. Охранники двинулись следом. У дверей генерал остановился, обернулся и посмотрел на Артёма ещё раз.

— И ещё, Нестеров. Я знаю, что у вас дочь болеет. Если вы сделаете эту работу, корпорация оплатит её лечение полностью. Весь курс, любые препараты. Ваша дочь выживет. Это моё обещание.

Он вышел. Дверь закрылась за ним с мягким шипением, и в лаборатории снова стало слышно гудение компрессоров.

Артём стоял неподвижно, глядя на закрытую дверь. В ушах звенело от тишины. Кто-то из ассистентов тихо выдохнул, кто-то шепнул: «Чёрт, что это было?»

Чэнь Вэй подошёл к нему почти бесшумно.

— Ты в порядке? — спросил он, глядя на побелевшее лицо Артёма.

— Да, — ответил Артём безжизненно. — Всё хорошо.

Он перевёл взгляд на биореактор номер семь. Водоросли кружились в своём зелёном танце, не подозревая, что их хотят превратить в оружие. Артём вдруг вспомнил лицо Ани — её серьёзные глаза, когда она спросила про голубое небо.

Теперь он знал, что Воронцов готов убить всё живое на планете, лишь бы выиграть войну блоков. И Артём был его инструментом.

«Две недели, — подумал он. — За две недели я должен найти способ саботировать эту работу. Или убежать. Или...»

Он не закончил мысль. В планшете пискнуло уведомление — напоминание о совещании через пять минут.

Артём закрыл глаза на секунду, глубоко вдохнул и пошёл в конференц-зал «Альфа». Ему нужно было играть роль. Хорошего учёного, который делает свою работу. А внутри него разрывалось что-то важное — та самая человеческая часть, которая ещё не умерла в подземельях «Террасы-7».

Глава 5. Новости с поверхности

Совещание в конференц-зале «Альфа» длилось три часа и не дало Артёму ничего, кроме головной боли. «Зародыш-2» оказался не проектом, а целой программой — расшифровка древних геномов, синтез новых ферментов, моделирование аэрозольного распространения. Начальник отдела генной инженерии, сухой старик с дрожащими руками, говорил о «прорывных технологиях» и «стратегическом превосходстве», а Артём сидел и кивал, думая о том, что его водоросли скоро превратят в оружие.

Он вышел из конференц-зала в коридор «Уровня-3» и направился к лифту. Свет был ровным, как всегда. Воздух — стерильным. Но что-то изменилось. Что-то в вибрации пола, в едва уловимом гуле вентиляции. Будто город глубоко под землёй вздохнул — и затаил дыхание.

Лифт открылся, и Артём вошёл внутрь, нажимая кнопку «Терраса-7». Кабина дернулась и остановилась. Секунда. Другая. Потом свет в лифте мигнул — раз, второй — и погас на целую секунду.

Тьма была абсолютной, без единого источника света. Артём замер, прислушиваясь к собственному дыханию. Внизу, под полом кабины, что-то загудело — низко, с надрывом, будто старый мотор пытался провернуть заевший вал.

Свет загорелся снова. Ровный, белый, без теней. Пульт управления перезагрузился, и на дисплее высветилось: «Аварийное питание. Ожидание восстановления основной сети.»

— Чёрт, — прошептал Артём.

Лифт медленно пополз вниз. За его спиной, в коридорах «Уровня-3», слышались голоса — кто-то ругался, кто-то вызывал диспетчера по внутренней связи. Сбои энергосистемы случались и раньше, но никогда днём, в рабочее время. Это означало, что проблема не локальная.

На «Террасе-7» в коридорах тоже моргал свет. Двери в каюты были открыты, люди стояли в проходах, переговариваясь тревожными шёпотами. Старый инженер из Харькова, сосед Артёма, сидел на корточках у своей двери и проверял что-то в распределительном щитке.

— Артём, — окликнул он, когда увидел его. — У вас свет пропадал?

— Да. В лифте. Что случилось?

— Говорят, на «Уровне-1» отключилась подстанция. Аварийные генераторы запустились, но стабилизаторы не выдержали скачков. — Инженер постучал по щитку. — Если через час не восстановят, начнут отключать жилые блоки по очереди. Экономят энергию.

Артём зашел в каюту. Аня сидела на своей кровати, поджав ноги, и смотрела в планшет. Экран тускло светился — тоже перешёл на аварийный режим. Когда он вошёл, она подняла глаза.

— Пап, у нас всё моргает. Я думала, что началась бомбёжка.

— Нет, маленькая. Просто технический сбой. Сейчас всё починят.

Он подошёл к иллюминатору. За стеклом, в шахте, прожекторы работали не в полную силу — свет был тусклым, желтоватым, как свечи. Обычно город не экономил электричество в дневное время, но сейчас даже на «Террасе-7» чувствовалось, что система работает на пределе.

Аня отложила планшет и показала на экран.

— Там новости. Прямо перед отключением показывали.

Артём взял планшет, пролистал ленту. Внутреннее ТВ транслировало запись — оперативный выпуск новостей, который прервал обычную программу. На экране был ведущий в строгом костюме, с серьёзным лицом.

«...подтверждают, что грузовой караван ЕАК, следовавший по Северному морскому пути из Мурманска в Диксон, был перехвачен военными кораблями Атлантического Ковчега. На борту находились стратегические грузы: продовольствие, медицинское оборудование и топ-

ливо для северных поселений. АК заявляет, что караван нарушил зону свободного прохода, установленную Женевским соглашением 2049 года. ЕАК квалифицирует это как акт пиратства и объявляет о введении ответных санкций...»

Артём смотрел на экран, и внутри, под рёбрами, разрасталась тяжёлая пустота, будто кто-то вынул часть его души. Перехват каравана означал, что блокада ужесточается. А блокада означала, что цены вырастут, а нормы выдачи сократятся. Его и без того скудный паёк уменьшат. Анины лекарства подорожают. И если корпорация не выполнит своё обещание...

— Пап, — тихо спросила Аня, — это из-за нас? Война?

— Нет, — он подошёл к ней и сел рядом на кровать. — Это политика. Взрослые играют в свои игры.

— Но я слышала, как соседи говорят. Говорят, что если блокада продолжится, мы останемся без еды. И что АК хочет задушить нас, потому что мы у них забрали всё.

— Кто тебе это сказал?

— Женщина из триста двенадцатой каюты. Она плакала. Сказала, что её муж был на том корабле. Что он теперь погиб или в плену.

Артём обнял дочь, прижал к себе. Она была тёплой, худенькой, и он чувствовал, как колотится её сердце — чуть быстрее обычного.

— Послушай меня, — сказал он тихо, но твёрдо. — Я работаю над тем, чтобы мы были в безопасности. Я сделаю так, что никакая блокада нам не страшна. Ты поняла?

Аня молча кивнула, уткнувшись лицом в его плечо.

Свет в каюте снова мигнул — и вдруг стал ярче. Гул вентиляции набрал прежнюю мощность. Где-то далеко, в шахте, защелкали реле, переключаясь с аварийного на основной режим. Энергию восстановили.

Артём подошёл к планшету, который продолжал транслировать новости. Ведущий уже перешёл к другому сюжету:

«В связи с усилением блокады ЕАК объявляет о введении временных ограничений на потребление энергии в жилых секторах. С завтрашнего дня световой режим сокращается на два часа. Вода на хозяйственные нужды подаётся по графику. Администрация приносит извинения за временные неудобства и призывает граждан сохранять спокойствие...»

— Временные неудобства, — усмехнулся Артём. — Они бы сами попробовали жить в этой яме.

Он выключил планшет и подошёл к двери. За ней слышались голоса — соседи обсуждали новости, кто-то ругался, кто-то успокаивал плачущего ребёнка. Город жил своей жизнью, сжимался под давлением блокады, но не ломался. Пока не ломался.

Артём вернулся к столу, открыл рабочий терминал и посмотрел на письмо, которое отправил утром. Ответа от отдела кадров ещё не было. Он знал, что теперь, после новостей о перехвате каравана, его запрос отложат в долгий ящик. Сначала кризис, потом люди.

«Две недели, — напомнил себе Артём. — У меня есть две недели, чтобы придумать план. Спасти Аню, спасти себя, не стать убийцей для Воронцова.»

Он посмотрел на иллюминатор, где за бетонной толщей и несколькими сотнями метров породы лежал старый мир. Там, на поверхности, шла холодная война. А здесь, под землёй, обычные люди пытались выжить.

«Мы справимся, — сказал он про себя, глядя на спящую дочь. — Мы обязательно справимся.»

Глава 6. Наследие

Ночью Артём не спал.

Он лежал на нижней койке, глядя в потолок, где тускло светился аварийный индикатор вентиляции. Аня спала на верхнем ярусе, её дыхание было ровным, но иногда прерывалось лёгким кашлем — новый симптом, который появился в этом месяце. Врачи говорили, что это нормально, что организм адаптируется. Артём знал, что они врут.

Он встал, бесшумно надел тапочки и прошёл к столу. В планшете горело уведомление: ответ из отдела кадров на его утреннее письмо. Он открыл его, пробежал глазами.

«Уважаемый Артём Сергеевич, ваш запрос на усиленную терапию рассмотрен. В связи с текущей экономической ситуацией и введением временных ограничений на медицинские расходы, ваше заявление перенесено в лист ожидания. Ожидаемый срок рассмотрения — 30—45 дней. Рекомендуем вам продолжить выполнение плановых показателей и подать повторную заявку после стабилизации обстановки. С уважением, отдел социального обеспечения.»

Артём сжал планшет так, что на экране пошли трещины. Он с трудом заставил себя разжать пальцы.

Тридцать-сорок пять дней. А у Ани уже 14.3 мг/л. Если она войдёт во вторую стадию до того, как они одобрят терапию, будет поздно. Лекарства, которые тормозят развитие синдрома, работают только на первой стадии. После — только паллиатив.

Он закрыл планшет и посмотрел на шкаф в углу каюты. Там, за старой курткой и коробкой с инструментами, лежал ящик — тот самый, который он не открывал уже пять лет, с тех пор как мать умерла. Она просила его не трогать вещи отца, сказала, что они принесут только боль. Артём послушался.

Но сейчас боль уже была здесь, внутри него, и она не уходила.

Он подошёл к шкафу, отодвинул куртку и достал ящик. Деревянный, с выцветшей краской, на которой ещё можно было разобрать надпись: «Собственность С. Нестерова, лаборатория №7, Архангельск-2040». Когда отец писал это, ему было тридцать пять, и он был одним из ведущих геофизиков страны.

Артём открыл крышку. Внутри лежали старые тетради, чертежи, несколько фотографий, пожелтевших от времени. Он взял верхнюю тетрадь — она была в твёрдой обложке из картона, с надписью «Дневник наблюдений» — и открыл на первой странице.

Бумага пахла затхлостью и пылью. Почему-то этот запах показался ему родным, хотя он не помнил, чтобы когда-либо держал эту тетрадь раньше. Мать говорила, что отец писал в ней каждый день, даже когда они уехали из Архангельска в Тюмень.

Артём сел на пол, прислонившись спиной к стене, и начал читать.

Записи были короткими, деловыми, без лишних эмоций — стиль человека, который привык работать с фактами. В основном отец описывал изменения магнитного поля, колебания температуры, сдвиги ледяных масс. Но в середине дневника, на странице, помеченной 23 мая 2045 года, почерк изменился. Стал более торопливым, неровным, словно отец писал в спешке.

«23.05.2045. Сегодня мы запустили „Гелиос-Щит“ в тестовом режиме. Всё шло по плану — аэрозольные частицы подняты в стратосферу, рефлексия солнечного света зафиксирована на уровне 2.3%. Мы должны были снизить глобальную температуру на 0.5° C за первые два месяца. Вместо этого... я не знаю, что произошло. Датчики показывают аномалию. Магнитное поле в районе Уральского хребта резко ослабло — почти на 40%. Это не предусмотрено моделированием. Я отправил отчёт в Москву, но ответа пока нет.»

Артём перевернул страницу. Дальше записи шли с большими пропусками — по несколько дней, иногда недель.

«30.05.2045. Получил ответ из Центра. Они говорят, что данные ошибочны, что датчики могли быть повреждены. Но я проверил все три независимых канала. Ошибки нет. Поле ослабло. И оно продолжает ослабевать. Мы создали не охлаждение, а... я не знаю, как это назвать. Брешь? Точку разрыва?»

Артём почувствовал, как сердце забилося чаще. Он перелистал ещё несколько страниц и нашёл чертежи, сложенные вдвое. Он развернул их на полу — и замер.

Это была карта. Не обычная, а топографическая, с наложенными слоями магнитных линий и атмосферных давлений. В центре, на территории Уральского хребта и Западной Сибири, был отмечен большой круг, подписанный от руки: «Плато. Точка сборки. 56°12'N, 60°30'E».

Под картой шла приписка, сделанная уже другим почерком — более чётким, почти каллиграфическим. Артём узнал его: это писала его мать.

«Серёжа, я не знаю, когда ты это прочитаешь. Если ты это читаешь — значит, меня уже нет. Я оставляю тебе карту и дневник, потому что ты должен знать правду. Мы ошиблись, мы не ослабили поле, мы прорвали его. То, что мы сделали в 2045 году, — это не была попытка охладить планету. Мы создали портал. Точку, где земное поле смыкается с космическим. Это не наша заслуга и не наша вина. Это случайность, которой никто не ожидал. Но теперь мы должны с этим жить. Или умереть.»

Артём перечитал строки три раза. Слово «портал» не укладывалось в голове. Он был биологом, а не физиком, но даже он знал, что магнитное поле нельзя «прорвать» так, чтобы возникла точка смыкания с космосом.

Он перевернул чертёж. На обратной стороне была схема, которую он сразу узнал. Это была схема биореактора, почти такая же, как та, над которой он работал сейчас в лаборатории. Только в углу было приписано: «Культура водорослей — модифицированный штамм для очистки метана. Основа для стабилизации Плато.»

Отец тоже работал над водорослями. Но не для корпорации. Для Плато.

Артём закрыл глаза и попытался успокоить дыхание. Перед ним встала картина, которую он не мог объяснить: отец, мать, группа учёных, которые за десять лет до катастрофы пытались что-то сделать, а потом просто исчезли. Отец погиб при обвале тоннеля — но вдруг это не было случайностью? Мать умерла от «метановой лихорадки» — но она никогда не показывала симптомов до самой смерти. Она просто уснула и не проснулась.

Артём открыл глаза и посмотрел на карту. Точка с координатами 56°12'N, 60°30'E находилась где-то в районе Урала — между Екатеринбург и Челябинском. Поверхность. Там, где сейчас располагались военные базы и засекреченные центры. Там, где, как он подозревал, находился настоящий центр управления «Плато».

Он аккуратно сложил чертежи и вернул их в ящик. Взял дневник и положил его в рюкзак, который всегда носил с собой. Эта информация не могла остаться в каюте — слишком опасно. Если Воронцов узнает, что Артём что-то знает о настоящей природе «Плато», он не даст ему жить.

Артём взглянул на часы: 3:47 утра. До подъёма ещё два часа. Он подошёл к верхней койке и посмотрел на спящую дочь. Аня дышала ровно, но на её лбу выступила испарина — один из признаков ухудшения.

— Я узнаю, что там, — прошептал он. — Я выясню, что сделал дедушка. И я исправлю это.

Он сел за стол, открыл планшет и начал искать в открытых базах данных любые упоминания о проекте «Гелиос-Щит». К его удивлению, информации почти не было — только несколько статей в архивах МГЭИК, датированных 2044 годом. В них говорилось о «перспективном эксперименте», но без подробностей. Как будто проект был засекречен сразу после запуска.

Артём посмотрел на карту, которую мысленно запомнил до последней линии. У него было две недели, чтобы придумать, как добраться до этой точки. Или, по крайней мере, как передать информацию тем, кто сможет её использовать.

Он вспомнил лицо Чэнь Вэя, его быстрый взгляд, его слова о том, что корпорация не любит лишних отчётов. Чэнь был шпионом — работал на Тихоокеанский Круг, но, возможно, он мог помочь.

Артём открыл новое сообщение и начал печатать:

«Чэнь, ты знаешь что-нибудь о проекте „Гелиос-Щит“? У меня есть кое-какая информация. Нам нужно встретиться.»

Он отправил сообщение и выключил планшет. Завтра будет новый день, полный лжи и опасностей. Но у него впервые за долгое время появилась цель, которая выходила за рамки плана корпорации.

Он подошёл к иллюминатору и посмотрел вверх, туда, где за бетонной толщей лежала поверхность. Где-то там, под серым небом и метановым снегом, находилась «точка сборки» — место, которое изменило мир и погубило его отца.

«Я найду тебя, — подумал он. — Я выясню, что случилось. И я остановлю Воронцова, даже если это будет стоить мне жизни.»

Он лёг на койку, но не сомкнул глаз до самого утра.

Глава 7. Предложение

Артём не спал до самого утра. Когда в коридоре загудели первые голоса — соседи просыпались на смену, — он уже сидел за столом, перечитывая дневник отца в третий раз. Каждая фраза врезалась в память, каждое слово отдавалось эхом в голове: *«Мы прорвали его. Это точка сборки.»*

Он спрятал дневник в рюкзак, застегнул его и вышел в коридор. Аня ещё спала, и он оставил ей записку на столе: *«Я на работе. Вернусь к обеду. Не забудь ингаляцию. Папа.»*

Путь до лаборатории занял двадцать минут. На «Уровне-10» мигрантские ячейки уже опустели — все, кто работал в ночную смену, ушли, а дневные спали в своих коробках. Но в одной из ячеек горел свет, и Артём замедлил шаг.

Чэнь Вэй сидел на матрасе, поджав ноги, и пил что-то из пластиковой кружки. Увидев Артёма, он поднял руку в приветствии.

— Заходи, — сказал он, не повышая голоса. — Я знал, что ты придёшь.

Артём остановился у входа в ячейку. Метр на два, как и у всех. Матрас, сумка, экран на стене. Ничего лишнего — только жесткая экономия пространства.

— Ты получил моё сообщение? — спросил Артём.

— Да. — Чэнь сделал глоток, поморщился. — «Гелиос-Щит». Я думал, про это уже забыли.

— А ты знаешь, что это?

Чэнь усмехнулся. В его глазах мелькнул холодный блеск, который Артём раньше не замечал.

— Знаю больше, чем ты думаешь. Это был проект геоинженерии. Запущен в 2045 году с целью охлаждения планеты. Но вместо охлаждения они создали то, что теперь называют «Плато». Тысячи людей погибли, когда поле прорвалось. Твой отец был одним из них.

Артём шагнул внутрь ячейки и присел на корточки, чтобы быть на уровне Чэня.

— Откуда ты знаешь о моём отце?

Чэнь поставил кружку на пол и посмотрел прямо в глаза Артёму.

— Я знаю о тебе почти всё, Артём. Я работаю на Тихоокеанский Круг. Моя задача — собирать информацию о ключевых сотрудниках корпорации. И когда я узнал, что ты сын Сергея Нестерова, я понял, что рано или поздно ты наткнёшься на эти архивы.

Артём замер. В груди похолодело.

— Ты шпион, — сказал он не вопросом, а утверждением.

— Да. — Чэнь не отрицал. — И ты тоже можешь стать таким. Или, по крайней мере, получить то, что тебе нужно.

— Что мне нужно?

— Лечение для твоей дочери. — Чэнь говорил спокойно, будто перечислял пункты договора. — ТК готово оплатить полный курс усиленной терапии. Любые препараты, любые специалисты. Мы даже можем организовать переезд в Корею — там чистый воздух, современная медицина, твоя дочь поправится через полгода.

Артём сглотнул.

— И что я должен сделать взамен?

— Передать нам все данные о «Зародыше-2». Копии чертежей, записи экспериментов, доступ к квантовым каналам «Плато», которые Воронцов открывает тебе для работы. — Чэнь наклонился вперёд. — Мы не просим тебя шпионить против России. Мы просим тебя не дать Воронцову создать биологическое оружие. Если «Зародыш-2» завершится, погибнут миллионы. Ты этого хочешь?

Артём молчал. В голове крутились мысли, перемешанные с фрагментами дневника отца. «Точка сборки». «Мы прорвали поле». Если Воронцов получит доступ к этой точке, он сможет использовать водоросли для стабилизации Плато — или для разрушения его.

— Ты предлагаешь мне предать корпорацию, — сказал Артём медленно. — Или предать своих людей.

— Я предлагаю тебе спасти свою дочь, — поправил Чэнь. — А заодно и планету. Ты же знаешь, что Воронцов — не просто генерал. Он готов уничтожить Атлантический Ковчег, даже если это убьёт всех нас. Он уже отдал приказ разработать аэрозольный ингибитор. Через месяц, если ты не остановишь его, начнутся испытания.

Артём закрыл глаза на секунду. Перед ним снова возникло лицо Ани — её серьёзные глаза, когда она просила показать ей голубое небо. Он обещал ей, что сделает это. Но как?

— Десять миллионов кредитов, — сказал Чэнь. — И полная эвакуация. Ты и Аня получите новые документы, новый дом. Мы заменим вам жизнь, Артём. Ты начнёшь с нуля.

Артём открыл глаза.

— Мне нужно подумать.

— Думай, — кивнул Чэнь. — Но недолго. Воронцов ждёт результат через две недели. Если ты не решишься — он найдёт другого инженера. А тебя просто уберут как ненужного свидетеля.

Он протянул Артёму маленькую карту памяти — чёрную, без маркировки.

— Здесь контакты. Если согласишься — нажми зелёную кнопку. Если откажешься — уничтожь. Только не носи её с собой — личный поиск сканирует такие вещи.

Артём взял карту, спрятал в карман комбинезона.

— Я свяжусь с тобой, — сказал он и вышел из ячейки.

Коридор «Уровня-10» был пуст, только где-то далеко гудела вентиляция. Артём шёл медленно, переваривая разговор. У него было два пути: остаться с Воронцовым и стать убийцей — или сбежать с Тихоокеанским Кругом и предать всё, что строил.

Но был и третий путь — тот, который оставил отец. Найти «Плато», понять, что там происходит, и остановить всех, кто хочет использовать его во вред.

Он поднялся на лифте на «Уровень-3», вошёл в лабораторию и сел за свой стол. В планшете мигало сообщение от Воронцова: *«Жду отчёт по генной конструкции через пять дней. Не подводите.»*

Артём посмотрел на биореактор номер семь, где его водоросли кружились в изумрудном свете. Они были его единственной надеждой — и его главной опасностью. Он мог сделать из них оружие. Или спасение.

— Пять дней, — прошептал он. — Пять дней, чтобы принять решение.

Он открыл дневник отца на последней странице, где было написано:

«Точка сборки — это не место силы. Это место выбора. Те, кто приходит туда с оружием, уходят с пустыми руками. Только тот, кто приходит с чистым сердцем, сможет изменить мир.»

Артём закрыл дневник и посмотрел на иллюминатор, за которым начиналась шахта, ведущая на поверхность. Где-то там, под серым небом и метановым снегом, лежала точка, которую его отец называл «местом выбора».

Он решил, что пойдёт туда. Даже если это значит — против всех.

Глава 8. Аудитор

Артём сидел за своим столом уже третий час, пытаясь сосредоточиться на расчётах для «Зародыша-2». Пальцы скользили по сенсорной панели, вычерчивая генетические последовательности, но мысли были далеко — в дневнике отца, в предложении Чэня, в карте памяти, которая жгла карман комбинезона. Он чувствовал себя шахматной фигурой, которую передвигают сразу несколько игроков, и никто не спрашивал её мнения.

— Артём Сергеевич, к вам посетитель, — раздался голос ИИ-ассистента. — Технический аудит, уровень допуска «Бета-3». Впустить?

Артём удивился. Технический аудит обычно проводился раз в квартал и всегда предварительно согласовывался с начальником лаборатории. О внеплановой проверке его не предупреждали.

— Впустите, — сказал он, поправляя воротник комбинезона.

Дверь лаборатории отворилась, и в проёме появилась женщина. Невысокая, почти миниатюрная, с коротко стриженными волосами цвета воронова крыла. На ней был строгий тёмно-синий костюм с логотипом технического отдела, но что-то в её облике не вписывалось в стандартный корпоративный шаблон. Слишком живой взгляд, слишком быстрые движения. И татуировки — тонкие линии, оплетавшие запястья и уходившие под рукава, похожие на схемы магнитных полей, которые Артём когда-то видел в старых учебниках.

— Доброе утро, — сказала она с лёгким акцентом, который Артём не мог определить с первого раза. — Ли Сун-Мин, отдел технического контроля. Внеплановая проверка систем жизнеобеспечения на «Уровне-3». Мне нужно проверить ваши биореакторы на соответствие стандартам энергопотребления.

Артём кивнул, но в груди зародилось смутное беспокойство. Технический аудитор, который приходит в лабораторию и смотрит на реакторы? Обычно они проверяли вентиляцию и кондиционеры, а не биооборудование.

— Пожалуйста, — сказал он, показывая на ряд реакторов. — Вот наши основные установки. Экспериментальный штамм — седьмой.

Сун-Мин скользнула вдоль стеклянных колонн. Её пальцы почти не касались сенсорных панелей, но татуировки на запястьях коротко вспыхивали — словно считывали данные на расстоянии. Она остановилась у биореактора номер семь и замерла.

— Ваш штамм, — сказала она, не оборачиваясь. — У вас неправильно настроена скорость диффузии питательной среды. Вот здесь. — Она ткнула пальцем в нижний угол сенсорной панели. — Параметр указан как 0.45 мл/сек, но фактическая подача идёт с пульсацией 0.52. Из-за этого клетки получают неравномерное питание и начинают мутировать быстрее, чем вы фиксируете.

Артём подошёл ближе, заглянул в показатели. Она была права. Он проверил логи — действительно, клапан подачи работал с микроскопическим сбоем, который он не заметил при ежедневной калибровке. Ошибка в 0.07 мл/сек, но за неделю она могла вызвать нестабильность колонии.

— Откуда вы знаете? — спросил он, стараясь скрыть удивление. — Это же закрытая информация.

Сун-Мин наконец обернулась и посмотрела на него в упор. В её глазах мелькнула искра — не то любопытства, не то насмешки.

— Я изучала ваши отчёты за последние два месяца. В восьмом реакторе вы зафиксировали всплеск метаболизма на 2.3% без видимых причин. Я предположила, что дело в подаче, и проверила технические журналы. Ошибка оказалась системной — она дублируется на всех установках старой серии.

Артём не нашёл что ответить. Она говорила о его работе так, будто знала её лучше него самого. И он вдруг заметил, честные татуировки на её запястьях — это не просто узоры. Это были формулы. Уравнения поля, которые он видел в дневнике отца.

— Вы не техник, — сказал он тихо. — Вы кто-то другой.

Сун-Мин улыбнулась — едва заметно, одними уголками губ.

— Я специалист по биорезонансу. Моя работа — искать аномалии в живых системах. Ваш штамм 7-Б — это аномалия, Артём. Он ведёт себя иначе, чем вы думаете. И я знаю почему.

— Почему?

Она шагнула ближе, почти вплотную. От неё пахло чем-то травяным — не синтетикой, а настоящим растением, редким в подземном мире.

— Потому что ваши водоросли уже контактировали с «Плато». Не напрямую, но через воздух, через воду. Вы принесли частицу аномалии в свой реактор, и она изменила их геном. Теперь они не просто поглощают метан — они перерабатывают его в нечто иное. В резонанс.

Артём отступил на шаг, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Дневник отца, чертежи, карта — всё это вдруг обрело новый смысл.

— Откуда вы знаете о «Плато»? — спросил он.

Сун-Мин перевела взгляд на биореактор, где изумрудная суспензия кружилась в стеклянной колбе.

— Я пришла сюда не проверять вентиляцию, Артём. Я пришла поговорить с тобой. — Она назвала его по имени без отчества, как равного. — Твой отец был прав. «Плато» — не место силы. Это место выбора. И я знаю, что ты хочешь туда попасть.

Она вытащила из кармана крошечный кристалл — такой же, как тот, что Чэнь дал ему утром, только прозрачный, с мерцающей голубой точкой внутри.

— Здесь координаты прохода к «Плато». Не те, что на карте твоего отца, — те уже устарели. Я даю тебе шанс узнать правду. Ты можешь довериться мне или можешь продолжать делать водоросли для Воронцова. Выбери.

Артём посмотрел на кристалл, потом на татуировки на её руках, которые светились тусклым фосфором в лабораторном свете. Сун-Мин не была похожа ни на одну женщину, которую он встречал в подземных городах. Она была дикой, опасной и одновременно притягательной — как выдох свежего воздуха в затхлой клетке.

— Я уже получил предложение сегодня, — сказал он медленно. — От Чэнь Вэя. ТК хочет завербовать меня.

Сун-Мин усмехнулась.

— Чэнь Вэй — пешка. Он работает на ТК, но ТК не знает всей правды о «Плато». А я знаю. — Она приблизилась к нему ещё на шаг, и Артём почувствовал её дыхание — тёплое, с запахом мяты. — Я работаю на Объединённую Африку. Мы единственные, кто хочет не победить в войне, а остановить её. Воронцов использует тебя для оружия. Чэнь — как шпиона. Я предлагаю тебе стать тем, кем ты должен быть: учёным, который спасёт мир.

Артём молчал. Внутри него боролись страх, любовь к дочери и зов крови — память об отце, который тоже когда-то стоял перед выбором.

— У меня есть дочь, — сказал он. — Если я пойду с тобой, кто позаботится о ней?

Сун-Мин взяла его за руку — мягко, но уверенно. Её пальцы были тёплыми, а татуировки на запястье засветились ярче.

— Ты возьмёшь её с собой, — сказала она. — Мы эвакуируем вас обоих. В Африке нет метановых лихорадок, Артём. Там чистое небо. Настоящее, голубое.

Артём вздрогнул. «Голубое небо» — те же слова, которые Аня сказала ему вчера у скафандра.

— Как ты... — начал он.

— Я многое знаю о тебе, — перебила Сун-Мин. — Твоя дочь болеет. Ты боишься за неё. Ты хочешь, чтобы она увидела солнце. Я могу это дать. Но только если ты доверишься мне.

Она отпустила его руку и отошла на шаг. В её глазах была спокойная уверенность, которая не нуждалась в доказательствах.

— Через три дня, — сказала она. — В полночь. Резервный выход на «Уровне-0». Приходи один или с дочерью. Я проведу вас на поверхность, к точке сборки. А дальше — ты решаешь сам: идти к «Плато» или сдать корпорации.

Она развернулась и пошла к выходу, но у дверей остановилась.

— И ещё, Артём. — Она обернулась. — Твоя ошибка в расчётах — это не просто технический сбой. Это сигнал. Водоросли пытаются тебе что-то сказать. Они чувствуют аномалию. Научись слушать их — и ты поймёшь, как спасти свою дочь.

Она вышла. Дверь закрылась с мягким шипением.

Артём остался стоять посреди лаборатории, глядя на биореактор номер семь. Водоросли кружились в своём зелёном танце, и ему вдруг показалось, что они движутся не хаотично, а по чёткому узору — такому же, как татуировки на руках Сун-Мин.

«Научись слушать их», — повторил он про себя.

Он подошёл к реактору, приложил ладонь к стеклу. Через бронированную поверхность он чувствовал едва уловимое тепло — как будто внутри пульсировало живое сердце.

И в этом тепле ему почудился ответ.

Глава 9. Зелёная комната

После ухода Сун-Мин Артём не мог работать. Пальцы сами набирали цифры, глаза смотрели на экран, но мозг отказывался воспринимать информацию. Он видел только её лицо, слышал только её голос, чувствовал только тепло её ладони на своей руке.

«Научись слушать их».

Что она имела в виду? Как можно слушать водоросли? Он был учёным, он работал с фактами, с цифрами, с генетическими последовательностями. А она говорила о растениях как о живых существах, способных передавать сигналы.

В обеденный перерыв он вышел из лаборатории и направился не в столовую, а в «зелёную комнату» — единственное место на «Уровне-3», где можно было увидеть что-то кроме бетона и стекла. Это был небольшой парк под куполом, который корпорация создала для сотрудников высшего звена — как напоминание о том, что когда-то на планете существовала природа.

Он вошёл через герметичную дверь и остановился на пороге, вдыхая влажный, тёплый воздух. Здесь пахло землёй — настоящей, живой землёй, а не синтетическими ароматизаторами. Деревья — карликовые берёзы и кедры, привезённые с поверхности — тянулись к искусственному солнцу, которое светило ровно восемь часов в сутки, имитируя настоящий день.

Артём прошёл по гравийной дорожке к скамейке в центре парка. Здесь было тихо — только шум воды в декоративном ручье и редкое пение птиц, записанное на плёнку. Он сел, закрыл глаза и попытался успокоить дыхание.

— Я знала, что ты придёшь сюда.

Голос раздался слева, и Артём открыл глаза. Сун-Мин стояла в двух метрах от него, держа в руках пластиковый стаканчик с водой. На ней уже не было строгого костюма аудитора — вместо него лёгкое платье цвета хаки, открывающее руки с татуировками. Волосы были распущены, и без деловой укладки она выглядела моложе — почти как студентка.

— Ты следила за мной? — спросил Артём, но без злости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.